

Поделиться радостью и болью

К нам в редакцию приходят письма, в которых телезрители, отмечая достоинства интересных, любившихся фильмов, критикуют создателей некоторых художественных программ за неумение подняться до высот подлинной художественности, поставить острые, необходимые нашему времени проблемы, сетуют на небогатую порой фантазию при подготовке развлекательных передач. Выполняя пожелания читателей, мы решили представить ряд публикаций, посвященных проблемам телевидения, в которых актеры, режиссеры, критики и сами читатели поразмышляют об особенностях телевидения в системе искусств, о том, каким хотели бы они его видеть сегодня и в будущем, о современном телезрителе. Начиная цикл бесед с народным артистом РСФСР Олегом Табаковым. Он впервые переступил пороги телестудии еще в 1957 году, когда телевизионное художественное вещание делало первые шаги, и стал одним из тех актеров, которые способствовали его возмужанию, научили его говорить собственным языком. У всех на памяти, как Табаков, «читал по телевизору» «Конька-Горбуна» и «Василия Теркина», многим запомнились его роли в телефильмах и спектаклях «Шагреневая кожа», «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», «Печники», «Эзоп», «Д'Артаньян и три мушкетера», «Семнадцать мгновений весны», «Кое-что из губернской жизни», «Мэри Поппинс, до свидания!» и многое другое. Одновременно он — внимательный телезритель и потому не может позволить себе остаться равнодушным к судьбе «одиннадцатой музы».

— Олег Павлович, в последние годы творческие объединения, призванные производить произведения телескуства, значительно увеличили выпуск фильмов и спектаклей. Значит ли это, что сегодняшний зритель может быть удовлетворен состоянием художественного телевидения?

— Телевидение не только творческая организация, но в известном смысле и производство. И его беда сегодня, по моему представлению, та же, что и у некоторых отраслей промышленности: противоречие между количеством произведенного и его качеством. «Вал» его сегодня, надо отдать должное, велик: телезрители располагают двумя общесоюзными, учебной и местной программами: премьеры, премьеры... Но пройдет неделя — и немного остается в памяти, а если что и ранит, потрясает, то чаще не острой современностью, высокой художественностью. Если бы продукции ТВ присваивали Знак качества, то его удостоилось бы, по моему мнению, не слишком большое число произведений.

Лишь несколько тем получили на телевидении по-настоящему художественное воплощение, среди них я бы отметил героико-патристическую и историко-революционную. А вот фильмы исторические почему-то превратились в дефицитнейшие. Дважды в прошлом году были показаны костюмно-интерьерные французские телефильмы в несколько серий — по Дюма и Жорж Санд, — и зрители боялись опоздать к экранам сильнее, чем на работу, хотя ленты не одарили нас чем-то сколько-нибудь интересным. Я думал при этом: неужто история российских бедна событиями значительными, и нет готовых литературных источников — прекрасных повестей и романов, запечатлевших эти события, — что нам следует так много заимствовать со стороны?

Заметно усиливается жажда и на подлинно художественные детективные фильмы. И здесь, по моему мнению, лента Вячеслава Говорухина «Место встречи изменить нельзя» с Владимиром Высоцким в главной роли, снятая давно, по-прежнему остается труднодостижимым образцом.

Считаю особо необходимым сказать, что мало еще телефильмов, отражающих реальные проблемы молодежи, тот идеал прекрасного, который они исповедуют. Компании подростков в подворотнях начали исчезать уже давно, а мы все перетаскиваем их из фильма в фильм. Очень слабой оказалась новая версия «Тимура и его команды». Смотрел, поскольку в ней снимался мой сын. Очень уж равнодушным нужно быть, чтобы неумело отразить такой горячий, искренний материал! У меня сложилось впечатление, что одна из наиболее интересных работ о детях — это совсем не детский фильм Евгения Ташкова «Уроки французского»... А ведь ориентир есть — в кино это фильмы Динары Асановой.

Очень мало, как мне кажется, несмотря на предосторожность экранного времени, все-таки хороших фильмов о современности. Одна из причин здесь, как я это вижу, необъяснимое равнодушие режиссеров к качеству литературного материала. У меня в голове не укладывается: почему, к примеру, до сих пор никто не удосужился перенести на экран замечательную книгу «Лад», которую Василий Белов завершил уже два года назад? Ведь живее материала не придумаешь! А романы Абрамова, повести Распутина, Быкова, рассказы Казакова?

Хочу заметить, что часто публицистические и научно-популярные программы благодаря хорошим ведущим (а ведущие на телевидении — это люди, как правило, очень квалифицированные и умные) оказываются более содержательными, интересными, чем художественные ленты. С какой искренней влюбленностью в землю российскую, чувственной, я бы сказал, преданностью братьям нашим меньшим говорят о природе профессор Дроздов и журналист Песков! Это ведь не сыграешь! Даже самый искусный актер с трудом воспроизводит на сцене и экране любовь. Во многом другом удается обмануть, а тут нет... Телезрители награждают их за это тем восторгом доверия, которого нередко лишены создатели фильмов художественных. Остроумный телефильм «Взятка», к примеру, произвел на меня гнетущее впечатление именно отсутствием авторской боли за те беды времени, которые фильм высвечивает.

— Но вам можно возразить: существует дефицит талантов, и все они наперечет. Нам известно, к при-

меру, что лучшие фильмы и спектакли снимают на телевидении Евгений Ташков, Владимир Храмов, Александр Орлов, Валерий Фокин, Борис Галантер, Марк Захаров и некоторые другие. Что наибольших успехов в развлекательных жанрах добился Евгений Гинзбург — режиссер-постановщик «Бенефисов» и «Новогодних аттракционов» и Владимир Ворошилов — создатель передачи «Что? Где? Когда?». Но, очевидно, нельзя заполнить их творениями всю сетку часов, предназначенных для художественных и развлекательных передач, потому вроде бы нередкое появление слабых фильмов на экране неизбежно!

— На мой взгляд, это не оправдание. Не нужно нам делать вид, будто все в порядке и ничего нельзя улучшить. Напротив: если есть режиссеры способные, талантливые, которые жизнью и работой своей доказывают свои полномочия работать на телевидении, то почему же мы позволяем тратить государственные деньги посредственным? Я считаю такое использование сил и средств нецелесообразным (уж чем-чем, а талантами наша страна не обижена!). Здесь я подхожу к своей основной мысли — мне кажется, что нам в отношении телевидения пора провозгласить принцип: лучше меньше, да лучше. Меньше, но качественнее.

— Возникает закономерный вопрос: с чего начать?

— Я думаю, с того, чтобы четко определять: что такое хорошо и что такое плохо. Сегодня часто бывает так. О том, что хорошо, и критики, и наша актерско-режиссерская братия, активно научившаяся публиковаться, пишут, а вот от вопроса: что плохо? — предпочитают почему-то уходить. Что имеем, мы в награду за благодушие? Приостанавливается творческий рост даже мастеров — я знаю по собственному опыту, что работаю хуже, когда меня долго не критикуют, — и одновременно нарушается та система координат-ценностей, художественных вкусов и представлений, которыми в идеале должны были бы руководствоваться и творческие работники, и зрители.

Нельзя не видеть, что сегодня мы пытаемся оценивать ТВ, привлекая зрителей, самых объективных критиков. Регулярно проводятся опросы: кто лучший артист месяца или года, каков лучший фильм. Но картины такие подчас для меня, профессионала, оказываются просто слабыми. Наверное, это не случайно: справляясь о контингенте опрошенных, я нахожу объяснения смущающим меня обстоятельствам. Если у девочек в возрасте от 14 до 17 лет спрашивать, куда должно двигаться наше искусство, то, я думаю, верное направление мы не всегда определим.

— По вашему мнению, известные актеры не должны появляться на экране так часто, как ныне? Но ведь может случиться, что это приведет к ухудшению качества художественного телевидения.

— Нет, сниматься нужно обязательно. Только с разбором. И ни в коем случае не участвовать в малохудожественных поделках. Это, если хотите, форма создания положительного... Молодые актеры могут возразить мне: ну да, Олег Павлович, вы человек известный и хорошо зарабатывающий и можете позволить себе роскошь отклонять предложения. А как быть нам? Но позволю себе заметить, что лозунг этот я провозгласил не вчера, а восемнадцать лет назад. В 1965 году я опубликовал в вашей газете статью: «Почему я отказался сниматься в кино?» — и все эти годы старался делом подтверждать изложенные в ней принципы. Актерские неудачи неизбежны — от них никто не застрахован. Но по-настоящему стыдно мне, пожалуй, лишь за две свои роли: в давних фильмах «Выстрел» и «Накануне премьеры». Всего за эти годы я снялся примерно в сорока фильмах. Пять процентов брака — конечно, тоже нечем хвастать, но, пожалуй, все-таки немного. Кроме того, я предостерег бы начинающих актеров еще и таким афоризмом: наша сегодняшняя актерская всеядность опасна, ибо подготавливает нашу завтрашнюю ненужность.

— Олег Павлович, не может ли актер предугадать до съемок, получится ли фильм действительно художественным?

— Давайте, наконец, спрашивать и с артистов всерьез. Мне несимпатичны заявления моих коллег: ах, я не знал, что из этого выйдет! Хочется всегда ответить: да бросьте, дорогие мои! Да, искусство не всегда предсказуемо. Могли вы предположить, что фильм «Старое танго» откроет новые возможности в телевизионном балете, даже зная, что главную роль исполняет Екатерина Максимова? Я, например, не мог: уж очень неприятательскими, далекими от истинной художественности казались те сюжеты о молодой фабричной девушке из зарубежных фильмов тридцатых годов, которые легли в его основу. А лента удивила очищающей свежестью...

Режиссер Владимир Храмов снимает дешевый по производственным понятиям фильм «Печники». Казалось бы, и сюжет незамысловат: трое мужчин пытаются сложить печку и ведут за работой неторопливые беседы. Но, по-видимому, велик гений русского поэта Твардовского, серьезен уровень притязаний режиссера, в прекрасной форме наш старейший коллега, ленинградский артист А. Соколов, и молодой, но уже известный артист Н. Бурляев, живая камера в руках у оператора Г. Криничкого — и на экране рождается процесс оттаивания души человеческой, которую герои вынесли неубиенной из войны страшной и огромной. Зритель задумывается о месте народа нашего в этом мире... Может быть, это не совсем корректно, что я хвалю фильм, в котором сам сыграл одну из ролей, но я смотрел его дважды и оба раза как-то так незаметно отрешался от своего участия в нем. А кто мог предугадать, что таким откровением станут военные песни в исполнении Людмилы Гурченко? Я слышал мнение, что, мол, голос актрисы не вполне «соответствует образцам». Да разве в голосе дело? Лихие молодцеватые певцы средних лет, старательно выводящие ноты, наполненные таким зарядом бодрости, что его вполне хватило бы на взвод парашютистов-десантников, рожают во мне часто лишь чувство активного социального протеста, ибо отнюдь не к сопереживанию вызывают они столь интенсивным голосоведением. А Гурченко поразила, и по одной простой причине: она делилась с нами любовью своей ко времени и к людям, продолжая те — я бы назвал их актерскими — традиции в песне, которые вознесла на всепародную высоту Клавдия Шульженко.

Я сказал: «Кто бы мог предугадать?» А предугадать можно и нужно было бы. Артисту, который задал бы этот риторический вопрос, я ответил бы: по для чего-то существует уровень твоей квалификации! — раз; и то, как ты живешь! — два. Не то, как играешь, высказываешь умные мысли в беседах с журналистами и в гостинях, в театральных вечерах, киноанорамах, а то, какие боли своей земли много-страдальной, своей страны, единственной для тебя, считаешь своими болями, насколько жива твоя гражданская совесть — то замечательное свойство человеческого характера, которым земля наша одарена была всегда. Может быть, мои замечания и оценки покажутся кому-то и резковатыми, но они вызваны искренней заботой о нашем художественном телевидении, за дела и будущие успехи которого мы, творческие работники, тоже в ответе.

Беседу вел
Ю. ГЛАДИЛЬЩИКОВ.

Сов. Россия, 1984, 3 февр., № 28